

Серия

Недетские
КНИЖКИ

Рольф Лапперт

Пампа* блюз

*Пампа (нем.) – захоlustье,
глухомань, дыра

Rolf Lappert
PAMPA® BLUES

*Чрезмерное
потребление
спиртного –
вредно для жизни*

16+

Rolf Lappert

Pampa Blues

Carl Hanser Verlag München

2012

Рольф Лапперт

Пампа* блюз

*Перевела с немецкого Елена Смолоногина
под редакцией Марины Кореновой*

---

* Рампа (нем.) — захолустье, глухомань, дыра.

Москва
Самокат

УДК 821.111
ББК 84(4 Гем).44
Л 24

Серия «Недетские книжки»

Лапперт, Рольф.

Л 24 Пампа-блюз / Рольф Лапперт ; пер. с немецкого Смолоногоиной Е.А. под редакцией Кореневой М.Ю. — М. : Самокат, 2015. — 288 с. — (Недетские книжки).

ISBN 978-5-91759-375-3

В захолустном Вингродене нет ничего интересного, кроме автозаправки, карьерного озера и прекрасной парикмахерши Анны. 16-ти летний Бен — самый молодой из всех местных жителей, остальные годятся ему в отцы или в деды. Бен следит за своим старым дедушкой, ухаживает за садом и чинит старые автомобили. Чтобы вызвать интерес к Вингродену, один из жителей начинает распространять слухи об НЛЮ. Внезапно появляется девушка с фотокамерой. Может быть, план и сработает? Но макет НЛЮ улетает, а в городок приезжают полиция и пресса расследовать дело об убийстве. Одновременно выясняется, что девушка никакая не журналистка и Бен в нее влюблен.

ISBN 978-5-91759-375-3

- © Carl Hanser Verlag München 2012
- © Смолоногоина Е.А., перевод под редакцией Кореневой М.Ю., 2014
- © Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2015

*Светлой памяти моих бабушки и дедушки
Вальтера и Фриды Мец*

Твой дом там, где кто-нибудь заметит твой уход.

Александр Хемон. «Проект “Лазарь”»

1

Ненавижу свою жизнь. Через три года мне будет двадцать, это ровно половина от сорока. Через восемь лет Карлу будет девяносто, соответственно, мне — двадцать пять, а я так и буду торчать тут. С ним. Мрачная перспектива, лучше и не думать. И так проблем полно.

Карл стоит передо мной в чем мать родила. Пена на его костлявых плечах похожа на снег. Карл немного дрожит, хотя в ванной комнате тепло. Зеркало запотело, под потолком клубится пар. Я вытираю Карлу спину, потому что он больше не может делать этого сам. Если перечислить все то, чего Карл больше не может делать сам, хватит не на одну книгу. Карл качается и вытягивает руки, чтобы опереться о стену. Через шестьдесят пять лет мне будет столько же, сколько ему сейчас.

— На вот, сам вытирай своего заморыша, — говорю я и отдаю ему полотенце.

— Заморыша, — повторяет Карл и хихикает.

Иногда он понимает всё, даже пошлые шуточки. В такие моменты его голова — как старое радио, запыленные внутренности которого вдруг оживают и снова начинают

ловить волну. Но чаще его хватает лишь на простые фразы, в особенно плохие дни — на отдельные слова вроде «есть», «спать» или «пирог». Карлу становится все хуже. Когда его мозги совсем выйдут из строя, мы вообще больше не сможем общаться. Не знаю, буду ли я без этого скучать.

В пятнадцать я начал работать у Карла учеником-садовником. Мама считала, что это отличный вариант, хотя на самом деле таким способом ей удалось решить проблему — легко и просто избавиться от меня после смерти отца. Карл в то время уже не имел права брать учеников. Голова у него тогда еще работала вполне прилично, но все равно он был уже старым, с больными ногами и в саду возился только ради собственного удовольствия. Тем не менее маме как-то удалось договориться с чиновниками. Правда, мне кажется, что при том количестве подростков в нашем районе, бросивших школу и сидящих без работы, местных чиновников совершенно не волнует, чем я тут занимаюсь. Главное, чтобы я был накормлен, не болтался без дела и не принимал наркотиков.

Карл показал мне, как сажать цветочные луковицы, подрезать розовые кусты и высаживать рассаду. От него я узнал, как сделать хороший компост и избавиться от листовой тли. Теперь я могу отличить гвоздику-травянку от гвоздики серовато-голубой и умею работать тяпкой и граблями. Я многому научился тут, но до сих пор не знаю, как устроен большой мир и что чувствуешь, обнимая раздетую девушку.

Моя мать целый год возила меня в город в училище по четвергам, час туда и час обратно. Она певица. В то время она выступала с разными танцевальными группами на вечеринках, корпоративах и свадьбах. Хотя вообще-то она джазовая певица. Она поет в квартете и разъезжает с ним по всяким клубам и прочим питейным заведениям Европы. Клавишные, саксофон, бас, ударные и она. На фотографии для прессы мама в длинном черном платье и черных перчатках до локтя. Четверо ее музыкантов в смокингах и бабочках стоят и улыбаются в камеру. Под фотографией подпись курсивом: BETTY BLACK & THE EMERALD JAZZ BAND. Девичья фамилия моей матери Пасслак, Беттина Пасслак. Ей всегда казалось, что в такой фамилии слишком явно чувствуется провинциальный дух Нойруппина, а вот Нью-Йорком и не пахнет. Шиллинг, фамилию моего отца, она использовать не захотела. У нее в паспорте написано: Беттина Шиллинг-Пасслак, но в музыкальной среде ее знают только под псевдонимом. Она много где бывает, ездит по всей Европе, от Палермо до Хельсинки, от Аликанте до Варшавы. Но этого оказалось недостаточно, чтобы сделать карьеру. Не знаю почему. То ли ей не хватает честолюбия, то ли деловой хватки. Или просто хорошего менеджера. А может, у нее слишком обычный голос. Да еще и джаз. Кто сегодня такое слушает?

После ванны я помогаю Карлу одеться, а потом готовлю нам обед. Карл накрывает на стол. Госпожа Вернике, медсестра, которая навещает Карла раз в неделю, сказала, что обя-

зательно нужно давать ему мелкие задания, чтобы занять ему голову. Одна из обязанностей Карла — три раза в день накрывать на стол. Госпожа Вернике говорит, что это как тренинг для повышения активности мозга, но Карлу это не помогает. Он вечно что-нибудь да забудет, то ложку, то чашку, то салфетки. Часто рядом с тарелкой оказывается по две вилки, а ножа вовсе нет, или он возьмет и принесет для воды кофейные чашки вместо стаканов. Иногда он стоит перед пустым столом и не может вспомнить, что он должен сделать. Тогда мне приходится доставать для него посуду и приборы и заново все показывать. Когда выдается особо плохой день и Карл пять минут кряду беспомощно вертит в руках ложку, я усаживаю его на его стул и разрешаю ему просто рвать бумагу. Этого он не разучится делать никогда.

Сегодня у Карла неплохой день. Ножи и вилки лежат не с той стороны, но зато он почти ничего не забыл, кроме подставок под стаканы и салфеток. На нем черные носки, свободные серые брюки и белая рубашка. Если бы он был чисто выбрит, то выглядел бы очень даже прилично. Я достаю салфетки из ящика, запикиваю одну Карлу за воротник и закатываю рукава его рубашки.

— Спасибо, — говорит Карл.

В среднем он благодарит меня около тысячи раз в день, за все подряд, за тапочки, которые я ему надеваю, масло, которое я намазываю для него на хлеб, и за протертые очки.

— Приятного аппетита, — говорю я.

— Спасибо, — говорит Карл.

В коробке из-под печенья у его ног на полу — целый ворох нарванных им клочков бумаги самых разнообразных оттенков синего цвета, размером с ноготь на большом пальце.

Если я не выспался с утра или к вечеру сильно устал и не могу слушать, как Карл ест, как он пыхтит и прихлебывает, жует и чавкает, я включаю радио рядом с мойкой. Но сейчас радио включать бесполезно, потому что в обеденное время там передают всякую фигню.

— Еженедельный обзор, — говорит Карл.

— Что?

Иногда Карл использует слова, которых я раньше от него не слышал. Когда он ошарашивает меня чем-нибудь эдаким, я невольно вспоминаю, как раньше, до того как его мозги превратились в труху, он рассказывал мне всякие истории.

— Это Сельма так говорит. Еженедельный обзор.

Карл может самостоятельно надеть шляпу, а через три секунды спросить меня, где она. Но иногда в его голове вдруг соединяются два проводка и вспыхивает воспоминание, которое годами хранилось в одном из пыльных уголков его памяти.

— Какой обзор в этой сраной дыре? Мы же не при английском дворе, — говорю я ему немного резко.

У меня тоже бывают плохие дни. Сегодня — один из них. Утром у Карла на волосах был клей, за завтраком он заляпал желтком только что выстиранные пижамные штаны, а когда пришло время принимать ванну, отказался наотрез и вел себя как маленький ребенок.

— Вкусно, — говорит Карл.

Ирония и цинизм на него не действуют. Только когда я кричу на него, он съеживается и ошарашенно смотрит на меня. В такие моменты мне становится страшно стыдно, я извиняюсь перед ним и чищу ему яблоко или мандарин.

— Ну, тогда я спокоен, — говорю я.

Бабушку я знаю только по фотографиям. Она ушла от Карла еще до моего рождения. Почему он именно сегодня вдруг вспомнил о ней, для меня загадка. Словосочетание «еженедельный обзор» Карл явно придумал не сам. На обед у нас сегодня вчерашний шницель, позавчерашняя капуста, рис, сваренный во вторник, и мраморный кекс с прошлой недели. Так что сегодняшней обед действительно можно считать «еженедельным обзором».

— Не забудь про таблетки, — говорю я и придвигаю ему блюдо с таблетками.

— Спасибо.

Карл по одной кладет капсулы на язык и запивает их все разом водой.

Время от времени, не слишком часто, я представляю себе тот день, когда Карл умрет. Иногда, совсем редко, мне хочется, чтобы я пришел утром, а он уже лежит мертвый в постели. Если бы бабушка не бросила его, ухаживать за ним пришлось бы *ей*. Тот, кто утверждает, что мы вольны распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению, ровным счетом ничего не понимает. И уж точно не знает, как это — целыми днями возиться с больным дряхлым дедом.

После обеда я выкатываю из сарая свой тук-тук. Года три назад я видел по телевизору репортаж об Индонезии, где по улицам разъезжают тысячи таких вот моторикш. Хорст, один из местных фермеров, отдал мне сломанный мопед. А я за это починил ему доильную машину. Я довольно хорошо разбираюсь в технике, кое-чему у Масловецки в гараже научился, что-то из книжек почерпнул. Три недели спустя я совершил пробную поездку на тук-туке. Украшать и разрисовывать его я начал уже потом и до сих пор еще клею на стены и крышу кабины все, что попадает под руку: монеты, осколки стекла, отполированные ветром и дождем, пластмассовые игрушки из упаковок мюсли, ненужные ключи, шахматные фигуры, домики улиток, колпаки от колес, белесый мышиный череп. Иногда Масловецки мне кое-что подбирает, или Хорст, или Вилли, или Отто. Например, красное стекло от задней фары уже не существующей машины, крышку от бутылки итальянского пива, запонку, жетон для собаки. Анна периодически дарит мне то украшенную дешевыми стразами брошку, то сломанную заколку для волос, блестящую на солнце. Каждую неделю добавляется что-то новое.

Я ставлю тук-тук в тени и возвращаюсь в дом. Карл сидит в кухне на табуретке и рассматривает свои башмаки. Его руки лежат на коленях, все в морщинах и пятнах, покрытые синими венами. Я видел фотографии, где он еще молодой, такой здоровенный, крутой, с шапкой черных волос и ясными глазами, в которых нет ни тени сомнения или растерянности. Эти фотографии хранятся у него в шкафу в коробке, и мне

с трудом верится, что на них тот же самый человек, который сейчас сидит передо мной и не может вспомнить, как завязывать шнурки.

Я стараюсь не думать об этом, хотя больше всего боюсь именно того, что когда-нибудь сам буду сидеть на этой проклятой табуретке и не смогу вспомнить ничего о своей жизни. Потому что ее у меня не было.

— Все очень просто, вот, смотри, — говорю я Карлу, опускаюсь на колени и завязываю шнурок на левом ботинке.

— Спасибо, — отвечает он.

— Второй давай сам.

Карл медлит, берет шнурок за концы, старательно их перекрещивает и останавливается, вспоминая, что же дальше.

— А теперь?

— Протянуть один под другим, — отвечаю я.

Как в замедленной съемке, Карл совершает несколько бессмысленных движений, кряхтя при этом так, будто делает тяжелую работу.

— Ладно, давай я.

Пока он не запутался окончательно, я отбираю у него шнурки и завязываю их сам.

— Спасибо, — говорит Карл.

Я надеваю Карлу на голову шлем, туго затягиваю ремень на подбородке и выношу ему коробку из-под печенья с клочками бумаги. И за это мой дед тоже меня благодарит.

В сарае стоит старый автобус марки «Фольксваген». На самом деле это наполовину проржавевший кузов под брезенто-

вым навесом. Сиденья выставлены вдоль стены и прикрыты пустыми мешками из-под удобрений, кое-как защищающими их от пыли и земли, которую через щели наносит сюда ветер. Мотор лежит в деревянном ящике, словно в гробу. Раза два в месяц Масловецки притаскивает очередную запчасть, но иногда мне ничего не перепадает месяцами. При таком темпе я отремонтирую автобус не раньше чем к своему тридцатилетию.

Карлу к этому моменту будет уже девяносто пять. Когда он вот так стоит среди белого дня, в шлеме на голове, и беззаботно смотрит вдаль, как убеленный сединами космонавт, я легко могу представить себе, что он доживет и до ста.

Я помогаю Карлу сесть в кабину тук-тука и ставлю коробку из-под печенья ему в ноги.

— Куда мы едем? — спрашивает он.

Он уже раз двадцать сегодня спрашивал об этом.

— К Анне, — говорю я, и он улыбается, радуясь такой отличной новости.

Я сажусь на мопед и жму на педаль. Мотор заводится с первого раза. Не знаю, хорошая ли я сиделка, но механик из меня ничего.